Новикова Клара

25.10.01

ЭСТРАДА
ЗВЕЗДА

Клара НОВИКОВА: КТО, ЕСЛИ НЕ Я?

Вечерняя Москва. — 2001. — 23 окт. — с. 6

И мечтательница, и прагматик — обе побегут к тете Соне

Клара Новикова — тоненькая, хрупкая, выглядит на тридцать пять. У нее рыжие волосы и низкий голос с волнующими модуляциями. 26 октября у нее — концерт в Театре эстрады, где она не выступала два года: Геннадий Хазанов, заняв пост главы театра, решил тогда кардинально поменять его политику, отказавшись от сборных концертов и речевого жанра — «диетических таблеток», по его словам. Новикова на диете действительно сидела (говорят, что на кефирной), но и ее фигура, и ее выступления от этого только выиграли.

Дарья АКИМОВА

— Вы не страдаете звездной болезнью — например, по отношению к журналистам?

— Я ею вообще не страдаю, тем более по отношению к журналистам. Я понимаю, что, допустим, то же общение с журналистами — взаимовыгодно. Ну пусть об меня немножко позатачивают перо.

— Но вы расстраиваетесь, когда пишут плохо?

— Расстраиваюсь... Аркадьич *(координатор Новиковой. — Д. А.)*, может, ты мне заваришь чай, знаешь как? Пакетик окунул — и вынул!.. *(понимающе улыбается и уходит добывать чай. Находит)*. Расстраиваюсь. Мне же больно... Если мне наступят в автобусе на ногу — я же реагирую.

— Как?

— Нормально.

— Хам обернется и врежет.

— Я до этого успею поинтересоваться: «Удобно ли вам стоять, молодой человек?»

— Вы работаете в мужской компании: директор, звукооператор, шофер, режиссер — все мужчины...

— Я иногда завидую тем, у кого директор — женщина. Мне кажется, что женщина женщину в быту поймет. Зато у меня есть костюмер Лилечка, она и исполняет роль «понимающего»: «Лилечка, пожалуйста, умоляю, я не успеваю!..» Хотя на рынок сегодня бегала я. Помчалась покупать ребенку зимний комбинезон. У меня сейчас только два свободных дня, и я очень надеялась, что отдохну — я вообще никого не успеваю увидеть!

— Вам есть где укрыться по-настоящему?

— Квартирка. Я вообще-то покупала ее для своих родителей, но вот мама не успела на нее посмотреть. А папа теперь не хочет переезжать в Москву — говорит: «Куда я от мамы уеду».

— Мама была для вас многим?

— Мама — это мама. Это все. Чем дальше — тем больше я это понимаю.

— Вы были рады, когда у вас родилась дочка? Ведь в основном хотят мальчиков.

— Очень. Я заранее чувствовала, что будет девочка, и что девочка будет Машей. Муж вроде тоже радовался, хотя, конечно, где-то в глубине души хотел мальчика — продолжателя рода! Тут это было особенно важно, потому что в этой зерчаниновской породе (*муж Клары Новиковой — Ю. Зерчанинов, известный журналист. — Д. А.*) не рождались мальчики последнее время, только девчонки. Один родственник даже сказал: «Если родится парень — все имение свое ему отпишу!» Имения у нас нет, как вы понимаете.

— Вы не боялись называть дочку Марией — говорят, у Марий судьба не очень-то легкая...

— Но ведь не только библейской Марии выпали испытания. Да мы как-то больше думали про Машу, а не про Марию, хотя это библейское имя мне нравится. А потом, у мужа моего мама была Марией, она внучки не дождалась, так что имя — память о ней. Когда Маша сама родила и я хотела, чтобы девочку назвали по-другому, она ответила: «Нет, мам, я назову так, как мне нравится». Мы-то называли все больше «по традиции»... Она у меня окончила университет и поступила в аспирантуру, теперь растит детей. Замечательно, конечно, но мне бы хотелось, чтобы она к тому же состоялась в своей профессии. Мои друзья мне говорят: «Ты что, с ума сошла? Родить двоих детей — это уже профессия!» Но для мужей очень важно, чтобы жена состоялась. Чтобы она реализовывалась не только дома. Ну не считается воспитание детей профессией. Хотя мужчины и любят, чтобы жена встречала вечером дома с тапочками. Я знаю, что для моего мужа было очень важно, чтобы я из бытового круга вырвалась. И я вырвалась. И тут он стал лукаво поговаривать: я бы хотел, чтобы жена моя была художницей и писала свои портреты дома, за печкой. Чтобы вроде и творческий человек, но — при себе. Однако большая его заслуга в том, что я работаю. Потому что если бы он стал, как большинство мужей, в позу: «Все, больше никаких поездок, никаких гастролей»...

— При кочевой жизни сложно иметь «старых друзей»?

— Очень. Друзья, рядом с которыми прошла жизнь, — понимают, а многие смирились. Один раз не пришла на день рождения — «Извини, не могла, не получилось», цветы туда отослала. Второй раз зовут — «Извини, у меня сегодня концерт...» Третий раз могут и не позвать. Иногда клянешься себе: все, этот день освобождаю, пойдем куда-нибудь, посидим все вместе — а не получается «все вместе»! Недавно в Германии ко мне на концерт пришла женщина — плачет, смеется, смотрит на меня какими-то странными глазами... После концерта она ко мне подошла. «Боже мой, Ира!» Мы учились вместе, когда-то влюблялись в одних и тех же мальчиков, спорили, кто в кого сильнее влюблен. Она окончила Литературный институт, вышла замуж и уехала. Живет в немецкой среде, занимается телевидением. Двадцать лет не виделись. Была девочка, а тут — Женщина. Хотя на самом деле с возрастом ничто не изменилось: такая же эксцентричная, такая же сумасбродная. На следующий день я уезжала из Берлина, а она ночью позвонила мне в гостиницу: «Кларка, я сейчас приеду к тебе на велосипеде! Поедем с тобой пиво пить!» — «Ира, какое пиво, у меня завтра концерт, я не могу!» Ира поехала без меня пить пиво! А когда я сюда приехала, она тут же перезвонила: «Я проверяю, правильно ли записала твой телефон. Не хочу, чтобы мы опять потерялись». И я тоже не хочу.

— Вы умеете исполнять роль тамады за столом?

— Вы хотите меня пригласить на день рождения? Когда вижу, что люди заскучали — само собой получается. Мне кажется, что я все должна уметь. Иногда просят выступить в ночном клубе — я отказываюсь, мне выступать там тяжело, но уметь должна. Я понимаю артистов, которые это делают во всем мире, самые знаменитые. Сама же я стараюсь импровизировать так, чтобы любой публике было интересно. У меня есть персонажи, которые мне всегда помогают общаться: (преображаясь) «Шо ты кушаешь? Вот это вкусно, шо ты кушаешь? И у тебя таки нет сомнений, шо это можно кушать? Ой, я тебе сочувствую! Ну, кушай, кушай... А таблетки у тебя есть?»

— Как вы относитесь к штампу «новый русский»?

— Если вы имеете в виду «новых русских» — бритых ребяток с растопыренными пальцами, то я к ним никак не отношусь. А к молодым образованным коммерсантам, у которых в запасе несколько языков, отношусь хорошо. Конечно, они другие — как и каждое новое поколение. И при всем при том — самодовольных людей, которых абсолютно все в себе устраивает, которые гордятся собой до посинения, я не встречала нигде.

— Вы облегченно вздыхаете, когда заканчивается романтика, или вам ее жаль?

— Жаль. Все время пытаюсь что-то вернуть и воссоздать. Но вернуть нереально. Может быть, на смену придет даже что-то более важное: за долгие годы в семье узнаешь о недостатках друг друга, приспосабливаешься.

— Какой недостаток вы никогда не сможете простить?

— Хамство.

— В любви вы лидер?

— Мне кажется, в любви лидерства особенно и нет никакого. Когда любишь — даже про себя ничего не хочешь понимать. Это уже потом, в обыкновенной жизни, начинаются притирки. Я понимаю, что люди зависят друг от друга, что в семейной жизни подстраиваешься под «половину». Так что если у меня перегорела лампочка или сломалась стиральная машина, я поканючу: «Пожалуйста, ну сделай, ну вызови мастера...» — а потом сделаю сама.

В Германии. Говорят, если посидеть на этой скульптуре, в доме будет много денег

— В вас часто влюбляются?

— Не знаю, может и есть какие тайные воздыхатели, но мне кажется, что я как-то пугаю мужчин. Боятся моей иронии, что ли. Однажды на концерте мне прислал записку один мужчина: «Я бы очень хотел, чтобы в моей жизни появилась такая женщина, как вы, но очень бы опасался вашего острого язычка». «Язззззычка» — как у змеи, которая может ужалить. У меня был когда-то монолог, в котором были такие слова: «Какой же надо быть умной, чтобы казаться дурой. И какой же надо быть дурой, чтобы все время хотеть выглядеть умной». Мне кажется, мужчины с трудом терпят рядом с собой женщину, которая умнее. Значит, нужно не казаться слишком умной. Нужно уметь играть — «понарошку». Вот сейчас я сижу, делаю вид, что вы меня ужасно заинтересовали. А на самом деле мне очень хочется домой.

— Вы предпочитаете сами выбирать, а не быть избранной?

— Когда выбирают меня, я благодарна, но и стараюсь сама не оставаться безучастной. Однажды меня пригласили поговорить о телевизионной программе, которую предложили вести. А когда я пришла «поговорить», выяснилось, что это «кастинг», и меня будут «выбирать» среди других. Честно говоря, быть ведущей такой программы — против моего естества, и мне самой не хотелось, чтобы я туда прошла. Хотела не пройти — и не прошла. Но когда мне об этом сказали, на душе заскребли кошки и сильно меня оцарапали. Потому что — как же не я? А кто же?!

— Вы склонны к самокопанию?

— Склонна. Я не могу так: «Аааа! Плевать на все!» Я человек, которому ничего просто так не дается. Но, наверное, это для того, чтобы не расслаблялась, чтобы не распускалась, чтобы работала.

— Вам тетя Соня жить не мешает?

— Чем? У меня были очень разные персонажи! Помните мою героиню: *(с придыханием)* «Пляжшшш! Рио-де-Жанейро! Марчелло Мастрояни!» — такая романтичная девушка 70-х годов. Теперь таких нет, теперь у девушек нет времени быть романтичными, они трезвомыслящие, динноногие и ходят в тренажерный зал. Но и мечтательница, и теперешний прагматик — они обе побегут к тете Соне, если споткнутся и расшибут нос: она такая замечательная мама, какой была и моя мама, которая сопли оботрет и коленки зеленкой смажет — не важно, чужой ребенок или свой, платьице отряхнет, пожалеет, поможет, накормит, но при этом и поиронизирует, и по попе шлепнет. Так что я хорошо к ней отношусь. Я вообще хочу все про своих героинь знать и хочу, чтобы им сочувствовали. Мне не хотелось бы играть женщину, которая мне несимпатична. Вообще к женщине нельзя относиться безразлично, к ней надо испытывать чувства. Я хочу, чтобы моих — любили. Было бы интересно сыграть выпившую женщину — не омерзительно пьяную, а именно слегка подшофе. Ну, знаете, как в школьной компании, которая собралась посидеть в кафе, выпили вина, и вдруг самая тихая скромница улыбнулась и сказала что-то эдакое, чего от нее никто не ждет...

— Вы предсказуемы?

— Иногда хочется что-то такое «отмочить». Вот в Германии купила совершенно удивительные маски — страшные, живые — все думаю, куда бы надеть. А однажды мы с моим звукорежиссером на его «Оке» приехали на вручение «Овации» в Малый театр. Ну мне так захотелось: все приедут на огромных этих лимузинах черных, а я — на «Оке» малюсенькой. Но милиционеры, представьте себе, к театру нас на ней не пустили: не положено, что это еще за нарушение протокола? И в итоге мы к этой красной ковровой дорожке шли пешком. Зрителей мы точно удивили: они же хотят восторгов, ликования. Чтобы все как в кино — лимузины, звезды! Нас не поняли: «А чего-й-то она?».

— Эстрада — умирающее искусство?

— Вы имеете в виду мой разговорный жанр? Почему?! Вы представляете, что люди откажут себе в удовольствии слушать анекдоты, рассказывать их? Как мне кажется, слезы — это очищение, а смех — это чистилище. Народ, который перестанет смеяться, — не народ. Про наших людей я этого сказать не могу. Приходят. Смеются. Я очень часто спрашиваю у билетеров: «Ну и как прошел концерт? Что люди говорили в антракте?» И вы знаете, они всегда отвечают честно. Я очень надеюсь, что концерт пройдет хорошо. Театр эстрады — это мой дом, я там состоялась как артистка и надеюсь, что ничего не изменилось.